

**ВЛАСТЬ И ЗАКОН: ПОЛИТИКА И КОНСТИТУЦИИ В РОССИИ В
XX–XXI ВЕКАХ**

30 мая 2014 | Москва

МОДЕРАТОР:

Нина Беляева, заведующая кафедрой публичной политики НИУ ВШЭ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО:

Дмитрий Тренин, директор, председатель программы «Внешняя политика и безопасность»
Московского Центра Карнеги

СПИКЕРЫ:

Виктор Шейнис, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

Илья Шаблинский, заместитель заведующего кафедрой конституционного и
муниципального права НИУ ВШЭ

Тренин. Дорогие друзья! Я с большим удовольствием вас всех приветствую в Центре Карнеги. Для меня сегодня огромная честь приветствовать вас на особом для нас мероприятии и особой встрече. С человеком, которого я и, наверно, все мы, и очень многие и здесь, в городе, и в стране очень высоко ценят и уважают. Я бы сказал, одного из ведущих теоретиков российского парламентаризма и практиков российского парламентаризма, человека, чья жизнь является, я бы сказал, примером гражданского мужества и достоинства. Сегодняшняя встреча с Виктором Леонидовичем Шейнисом для меня и для многих моих коллег — это событие.

Я очень счастлив, что мы сегодня имеем возможность на этом совместном мероприятии с Высшей школой экономики — и Нина Беляева является сопредседателем нашего сегодняшнего разговора и этой презентации книги, — я очень рад, что у нас есть возможность презентовать новую книгу Виктора Леонидовича, «Власть и закон». Я помню, что его предыдущая книга, одна из его предыдущих книг, которая появилась при поддержке Фонда Карнеги и Московского центра Карнеги почти десять лет тому назад, «Взлет и рождение российского парламентаризма», была и остается, наверно, самой серьезной, глубокой и фундаментальной работой, посвященной этому очень важному для развития страны предмету — функционированию российского парламента и месту российского парламента в политической системе страны.

Я сейчас не буду долго занимать ваше время, я передам слово, наверно, вначале моему сопредседателю, и потом она уже будет вести этот сегодняшний разговор. Спасибо большое!

Беляева. Спасибо. Дорогие коллеги, мы очень рады, что вы присоединились к нашему разговору, к нашей дискуссии. Очень признательны Карнеги, что они нас согласились принять на этот разговор. Я расскажу два слова просто про идею, как мы планировали вообще эту встречу, и как появилась идея нашего сегодняшнего разговора. Надо несколько секретов раскрыть, таких, которые лучше помогут понять контекст разговора.

Мы с Виктором Леонидовичем очень старые коллеги и друзья, во всех смыслах, особенно в работе на грани права и политики, потому что на самой заре перестройки, когда только начиналась наша надежда на построение правового государства, создавалась такая организация, которую люди моего поколения наверняка помнят. А молодые, может, и не знают. Была такая организация, называлась «Московская трибуна». Вот, я смотрю, кто-то кивает, да? Была организация она очень важная, и сейчас о ней почему-то забыли. Наверно, пора ее вообще восстанавливать, да?

«Московская трибуна» — это была организация ученых, исследователей. То есть это было одной из первых попыток создать аналитическое независимое сообщество, которое не было привязано ни к институту Академии наук, ни к какой-то из партий и общественных организаций, а сама попытка интеллектуалов вообще разобраться, что происходит, и более того — сформулировать собственное видение перспектив, а как вообще видят ученые, как должна развиваться страна. Естественно, в рамках новой конституции, конституционного поля, открытости для гражданских инициатив, для построения плюралистического государства. И сама вот эта попытка как-то людей ошеломила — почему раньше, в общем, никто не догадался?

И вот Виктор Леонидович был одним из авторов создания манифеста. И меня как юриста — возвращаемся к теме права, да? — пригласили, может быть, отредактировать,

может быть, попробовать сформулировать, потому что моя специализация... В это время я была еще то ли аспирантом, то ли только что успела защититься. Специализация моя — гражданские организации, их правовой статус. И естественно, «Московская трибуна» себя позиционировала как гражданская независимая организация. И надеюсь на то, что эта наша инициатива станет частью правового поля, мы хотели сделать полноценную гражданскую организацию, зарегистрировать ее, получить статус и, соответственно, право голоса в политической и правовой системе. И поэтому была задача сформулировать устав, и мы над ним очень долго работали. Но хочу сказать, что весь устав занимал полторы странички максимум. Если вы посмотрите на современные уставы современных организаций, вы сможете увидеть, насколько вообще бюрократическая система, юридические требования к тому, как должна оформляться гражданская инициатива, превращают каждую такую инициативу в совершенно такую «mission impossible» фактически.

И особенно приятно вспомнить, что все-таки в периоды открытости нашего государства и надежды на то, что мы все-таки создаем такие основы регулятивных правил и норм, где нормы помогают реализоваться разным инициативам, а их не ограничивают... И вот опыт функционирования «Московской трибуны» я вспоминаю до сих пор с каким-то воодушевлением и энтузиазмом, с таким ощущением, что это возможно, что это обязательно когда-то вернется, когда будет много площадок, независимых, гражданских, на которых собираются интеллектуалы. Потому что те дискуссии, которые были в клубе ученых... Московский клуб ученых открыл свои двери для вот такого первого интеллектуального собрания, в котором реально проходил творческий, независимый обмен мнениями, где каждый был равен другому, и вместе создавалось то, что называется интеллектуальным сообществом свободной России. Мне очень приятно вспоминать это время, и мне кажется, что это время не утрачено полностью, что сохранились люди, которые помнят вот это ощущение готовности интеллектуалов совместно работать над улучшением государства, и в том числе созданием его правовых основ. И это позволило нам потом очень долго сотрудничать на разных этапах развития правовой системы, и просто к сегодняшнему дню мы постоянно поддерживаем, так сказать, творческие и научные связи с Виктором Леонидовичем, и через Школу, и через ИМЭМО, и через разные научные семинары, в которых мы совместно участвуем.

Когда вышла новая книга, мне тоже было особенно приятно, и я просто похваляюсь, что Виктор Леонидович ко мне обратился с тем, что он хотел бы, чтобы я написала какую-то статью, но не про книгу, а на основе этого нового исследования, размышления о взаимодействии права и политики в современной России. И мы, конечно, когда оглядываемся назад со времен «Московской трибуны», 1987 года, и сегодняшний 2014 — мы видим просто другую страну и просто другое государство. И вот все это осмыслить совсем непросто. И поэтому я сразу предложила — понимаете, эта задача для одного человека просто неподъемная. Мне бы очень хотелось поразмышлять на тему книги, острейшие вопросы в ней поставлены, но давайте мы сделаем такой... Вернемся к временам «Московской трибуны» и сделаем попытку собрать интеллектуальное сообщество на открытой площадке, на открытой дискуссии. И послушаем разных людей, как они сегодня видят это взаимодействие. Разумеется, начнем с вашего доклада и обязательно включим какое-то сообщество свободных, независимых интеллектуалов, чтобы поразмышлять над этим вопросом. Вот так родилась эта идея. И естественно, обилия площадок у нас сейчас не наблюдается свободных. Вот Карнеги — одна из тех, которая остается открытой и свободной интеллектуальной площадкой, и поэтому были первые, к кому мы обратились. Мы очень рады, что они нас здесь приняли.

И просто два слова, как, мне кажется, можно построить разговор. Разумеется, мы начнем с доклада, поскольку книжка огромная. Может быть, не все успели ее прочитать. Мы даже сканировали и пересылали друг другу, обсуждали в электронном виде. Дадим слово, естественно, Виктору Леонидовичу сначала, как он видит самые главные идеи, которые стоит обсудить, и попробуем поразмышлять над сегодняшним днем. Где те пересечения политики и права, где нам хотелось бы увидеть больше надежности, и стабильности, и предсказуемости правовых механизмов, которые позволяют обществу логично планировать развитие? И можем ли мы предложить какие-то пути, чтобы правовые основы общества не были разрушены? Потому что есть такое ощущение, что они разрушаются, и роль интеллектуалов — этому противостоять.

Вот с этой надеждой мы открываем наш сегодняшний семинар, и предоставляю с удовольствием слово Виктору Леонидовичу.

Шейнис. Большое спасибо. Прежде всего, мне хотелось бы, хоть это полагается делать в конце, но я в конце тоже поблагодарю организаторов этой встречи, для меня, безусловно, и полезной, и приятной. Спасибо за добрые слова, которые были сказаны в мой адрес.

Я могу только в связи с сегодняшней встречей сказать, что мне очень приятно новое издание, новое повторение встречи, которая состоялась здесь, Дмитрий, не десять, а восемь лет тому назад. В начале 2006 года, когда был издан двухтомник, который для меня был очень значим, и мне очень приятно, что на выставке, на стенде Центра Карнеги стоит книга. Мне будет очень приятно также поставить и это издание.

Что же касается нашей дружбы с Ниной, то она все сказала правильно. Мне только вспоминается один эпизод. Здесь уже возникали пересечения сегодняшнего дня с временами «Московской трибуны», временами перестройки, и вот один эпизод, который Нина, безусловно, помнит, но не упомянула, а мне хотелось бы это восполнить. Наша совместная поездка в Ленинград по линии журнала. Был такой замечательный журнал, «Век XX и мир», который вели очень яркие, очень творческие и очень смелые люди.

Огромный зал возле Выборгского вокзала, огромный зал, недалеко от памятника Владимиру Ильичу. Но то, что там говорилось, было, безусловно, прорывным. Выступали мы все перед огромной аудиторией, я не знаю, сколько, но, во всяком случае, несколько сот, может быть, до тысячи человек. Огромное количество записок. Это время действительно вспоминается как демократическая весна, и мне, в том числе и в том двухтомнике, и в этой книге, не раз приходилось обращаться к этому времени и размышлять над ним с позиций сегодняшнего дня.

В книге более тысячи страниц, и поэтому, готовясь к сегодняшнему выступлению, я, естественно, старался отобрать то, что, пожалуй, для сегодняшнего дня наиболее значимо, интересно и дискуссионно.

Главная идея книги, которая проходит через все издание, сводится к следующему: что хотя конституционная история России насчитывает уже более ста лет, а по другому счету, если брать проекты конституции, — более двухсот лет, так вот, несмотря на это, можно выделить определенный инвариант. И этот инвариант заключается в том, что в континууме «власть и закон» всегда первичным, определяющим была власть, которая изобретала закон под себя, а затем, в силу тех или иных причин, в каждом случае были свои соображения, изобретала, заменяла, придумывала какие-то изменения. Но

заниматься, скажем, как это нередко делают юристы... Не хочу ничего недоброго сказать о них, но делают таким образом — вот анализ текста: что содержалось в данной конституции, как это соотносилось, скажем, с мировой правовой мыслью и т.д. Мне кажется, что рассматривать российский конституционализм вне политики вообще достаточно бессмысленно. Потому что в континууме «власть и закон» всегда первичной была власть. А доминирование государственных институтов над человеком — это инвариантная черта российской истории. Поэтому мне хотелось посмотреть, как рождалась каждая конституция, какие потребности власти она удовлетворяла.

Значительная часть нашей конституционной истории — это так называемое советское право. Я вполне согласен с выдающимся ученым, недавно ушедшим, к сожалению, из жизни, Сергеем Сергеевичем Алексеевым, тоже последние десятилетия своей жизни отдавшим не только науке, но и политике. Он был председателем Комитета конституционного надзора Съезда народных депутатов СССР. Так вот, в одной из своих работ Сергей Сергеевич писал, что советское право — это правовой уродец, это право власти, соединенное с правом войны. Войны, можно добавить, против собственного народа. Это инвариант, это общая черта всех советских конституций.

Заниматься, скажем, чисто правовым анализом, на мой взгляд, не очень плодотворно. Потому что советская власть — это, если хотите, понятие в значительной мере виртуальное. Советы были на каком-то этапе, очень коротеньком этапе, сначала в 1905, затем в 1917 и начале 1918 года, орудием расшатывания государственной власти. Они помогли большевикам прийти к власти. Это была форма хаотического, беспорядочного демократизма, которая, конечно, абсолютно не была приспособлена для нужд государственного управления. Но уже к середине 1918 года советы как органы власти с арены сошли и представляли декорацию. Декорацию, более или менее удобную и потребную для власти.

Я полагаю, что только перестройка положила начало глубоким конституционным переменам, предопределившим выход из коммунизма. Главное, что было сделано перестройкой, о которой сегодня упоминают в печати и даже в какой-то мере в научной литературе достаточно пренебрежительно и неуважительно, — главное заключается в том, что во время перестройки были демонтированы несущие конструкции коммунистического режима. Я это подробно разбираю в книге, как постепенно, шаг за шагом, демонтировались и репрессивный аппарат, и изоляция от внешнего мира, и, скажем, идеократический аппарат власти, ибо идеология всегда играла колоссальную роль; как ликвидировалась, уходила из нашей жизни цензура, которая сейчас прекрасно возродилась, и как менялась структура в партии. Вот это значительная часть книги, примерно одна треть ее объема.

Другая треть, вернее, даже, пожалуй, две трети — это проблема конституции 1993 года и сегодняшний день. Какое место, какую роль играет эта конституция.

Я задаюсь вопросом (не буду сейчас на него отвечать — может быть, он возникнет у нас в ходе дискуссии), почему демократы, писавшие конституцию, почему президент, избранный на волне народного подъема, почему они оставили в наследие именно такую, а не другую конституцию?

У меня к конституции, которой мне довелось довольно основательно заниматься начиная с 1990 по 1993 год, отношение неоднозначное. Я думаю, что в ней есть позитив. Это прежде всего первая и вторая главы, это «Основы конституционного строя» и «Права

и свободы человека и гражданина». Но дефектом, причем родовым дефектом, дефектом, внесенным в конституцию уже в момент ее создания, было то, что эти главы остались, по существу, декларативны. Ибо государственная система, спланированная в конституции, была достаточно ущербной.

Почему так получилось? Почему демократы пошли на создание такой конституции? Почему они в сложных условиях, исключительно сложных условиях, о которых тоже здесь подробно говорится, 1993 года, поддержали вариант конституции, на мой взгляд, отличавшийся в худшую сторону от того, который разрабатывала конституционная комиссия начиная с 1990 года? Я думаю, что вот эти первые варианты, с точки зрения юридической техники очень несовершенные, набросанные буквально наспех, чуть ли не на коленке, — почему они оказались все-таки лучше, серьезнее, в правовом отношении более, что ли, перспективные, более отвечающие интересам правового развития нашей страны? Почему они были заменены другим вариантом, вариантом так называемой «ельцинской конституции», и почему мы этот вариант поддержали? Вот это один из тех вопросов, которые я не буду сейчас раскрывать, но...

Беляева. Это самое интересное, вы понимаете, да? Для тех людей, которые не участвовали в этом процессе, это самый проблемный вопрос, который нам студенты задают: «как это могло получиться?».

Шейнис. Вы знаете... Хорошо. Нина, оставим это на дискуссию.

Беляева. На дискуссию, хорошо.

Шейнис. А мне хотелось бы перейти к дню сегодняшнему, к 90-м и 2000-м годам. И вот, чтобы не затягивать выступление, я опять же выскажу мысль спорную, мысль, к которой я пришел достаточно давно, но, пожалуй, в наиболее законченном, категорическом виде она выражена в трудах тоже профессора Высшей школы экономики, профессора Оболонского, который написал, что 90-е годы, которые принято всячески осуждать, клеймить: «лихие годы» и т.д., были наиболее достойным десятилетием в жизни России в XX веке.

Я совершенно согласен с этой мыслью, только немножечко сдвинул бы период. Не все 90-е годы, и не только 90-е годы. А именно период, который начался с приходом Горбачева, с перестройкой, и примерно заканчивается где-то к середине 90-х годов. Это лучшее, по моему глубокому убеждению, время. Если будут вопросы, возражения — я готов эту мысль аргументировать.

А затем на смену 90-м годам пришли нулевые годы, и хотя именно в 90-е годы... В том числе мои политические друзья по партии (я «яблочник») в дискуссиях, в том числе в дискуссиях, которые мне с ними приходилось вести, всячески подчеркивали, что именно в 90-е годы были заложены все предпосылки для последующего периода. Предпосылки — да. Некоторые предпосылки. Но все-таки принципиально нулевые годы, а сегодня уже не только нулевые, а полтора примерно десятилетия XXI века, принципиально отличаются.

Чем отличаются? Вектором. Вектор совершенно другой. В то время мы имели ситуацию, которая имела какие-то элементы разделения властей, какие-то элементы конкуренции — не столько, может быть, в экономике (это был «дикий капитализм»), сколько в политике. Это был период действительно свободной прессы. И когда мне говорят, что вот, «прессу освободили от олигархов», я отвечаю: возьмите хотя бы

книжечку Шендеровича «Здесь было НТВ» и посмотрите, какую роль те, кто не видели, не знают или забыли, чем было НТВ, которое действительно содержалось олигархом. Олигархом, который по личным качествам, может быть, и не вызывает особых восторгов. Но одно дело — конкурирующая медиакампания, и совершенно другое дело — государственно направляемая пропаганда. Что она собою сегодня представляет — я думаю, мне нет необходимости об этом подробно говорить.

Здесь вспыхнула такая небольшая дискуссия о том, что Путин в своей украинской политике и во внутренней политике, обеспечивающей этот внешнеполитический курс в связи с украинским кризисом, идет по стопам Гитлера и повторяет Гитлера. Я думаю, что здесь есть некоторые преувеличения, неточности, отличия, о которых можно говорить специально. Но вот если говорить о наших медиа, то здесь я с полной ответственностью заявляю, что это геббельсовская структура. Это структура, которая ничем, на мой взгляд, не отличается от машины пропаганды «Третьей империи».

Ситуация сегодня намного хуже, чем тогда, когда восемь лет тому назад я представлял в этом зале другую книгу, когда казалось, что вектор хотя уже и стал определяться... А определяться он стал, по-моему, уже в 2001 году разгромом НТВ, в 2003 году — рейдерской операцией по разгрому и захвату «ЮКОСа». Вот сейчас ситуация существенным образом другая, и в особенности она изменилась в самые последние годы.

Я закончу свое краткое введение постановкой открытых вопросов, которые являются для меня открытыми и по которым тоже мне хотелось бы здесь инициировать обсуждение.

Я полагаю, что страна все глубже втягивается в системный кризис. Системный кризис тем и отличается от циклических экономических кризисов, от периодически возникающих в разных странах политических кризисов — тем, что на основе собственной его основы выхода из него не существует. То есть для того чтобы выйти из системного кризиса, необходимо изменить самоё систему.

Систему в истории меняли двояким образом. То есть количество вариантов огромно, но все их можно свести к двум: или революционное ниспровержение, крушение системы, или эволюция.

Естественно, нам, пережившим революцию и постреволюционные годы XX века, приятно слышать много раз повторявшееся изречение, что Россия исчерпала свой лимит революций. Знаете, я, к сожалению, уже не так в этом убежден, как был убежден тогда, когда эта формула появилась. Я боюсь, что система настолько окостенела, настолько затвердилась, настолько истребила общественное поле, на котором произрастали те силы, которые могли направить страну по пути эволюционному, что категорически это утверждать, наверно, сегодня нельзя.

И в заключение — вот те вопросы, которые для меня остаются открытыми. Здесь, в книге, об этом идет речь. Здесь тоже в значительной мере они сформулированы, но я не удовлетворен теми ответами, которые, буквально дописывая перед сдачей в производство книгу, над которыми я пытался размышлять и пытался дать какие-то ответы. Эти ответы, конечно, паллиативны. Ибо время еще не дает, по-моему, ответов на поставленные вопросы.

Итак, формулирую вопросы. Первый: сколь долго все это может продолжаться? Сколь долго, где критическая точка, после которой эта система, безусловно ущербная, безусловно не отвечающая ни интересам нашего общества, ни ведущим тенденциям мирового развития, — сколь долго она может существовать? Я этого не знаю и не могу даже примерно сказать, краткий срок, средний срок или более-менее продолжительный срок, потому что, как говорил один серьезный человек давно, народы могут очень долго жить с нерешенными проблемами.

Второй вопрос: все-таки не закрыт ли эволюционный путь? Не закрыт ли эволюционный путь, потому что, зная нашу историю, а в последние годы было опубликовано очень многое на эту тему по русской истории, изданы прекрасные сборники документов, материалов, книги, исследования, интересные соображения появляются в печати, — так вот, очень трудно ответить на вопрос, насколько вероятен эволюционный путь.

И в связи с этим третий вопрос — потенции правящего режима. То есть может ли в нем выделиться группа реформаторов, способных инициировать начало перемен? Иначе говоря, возможна ли перестройка вновь?

Я не принадлежал к числу тех, кто обольщался появлением временщика на президентском кресле. Хотя здесь есть такой небольшой раздел, страничек 10–15, где я описываю линию Медведева и отношусь к этому, пытаюсь относиться к этому серьезно. К сожалению, человек оказался намного... Я не берусь проникнуть в его черепную коробку и все его мотивации оценить. То, что он оказался намного менее способен к действию, менее способен к пониманию вещей, хотя он говорил очень хорошие и верные слова. А сравниваю я его с Горбачевым, к которому, признаться, с каждым годом я отношусь все лучше и лучше. Вот только обидело меня очень последнее заявление Михаила Сергеевича, который заявил, что величайшее деяние Путина — это возвращение Крыма России. Здесь Михаил Сергеевич, наверно, что-нибудь недодумал.

Так вот, возможно ли появление когорты реформаторов? Которые, конечно, не способны довести процесс до конца, но которые способны сделать то, что сделал Горбачев и его ближайшие коллеги, вот та небольшая группа людей, которая себя именовала командой Горбачева. То есть сдвинуть процесс с мертвой точки. Я таких людей в руководстве нашей страны не вижу.

Ну и наконец, последний, четвертый вопрос — это вопрос об обществе. Понимаете, подчас очень грустные мысли приходят в голову. Вспоминаются известные строчки Николая Алексеевича Некрасова. Помните? Когда он говорит о русском народе: «Иль, судеб повинясь закону, все, что мог, ты уже совершил, — создал песню, подобную стону, и духовно навеки почил?». Вот не хотелось бы считать, что это... По крайней мере, на время жизни нынешнего и ближайших поколений хотелось бы надеяться, что в обществе и найдутся, и сумеют, несмотря на всё, организовать силы, которые сумеют вывести нас из системного кризиса. Спасибо большое.

Беляева. У вас такой печальный рефрен, что нужно как-то сосредоточиться, чтобы его преодолеть, потому что действительно песня, подобная стону, в последнее время и не только в официальных, так сказать, медиа — и в социальных сетях. Люди, которые черпают знания о реальности из своих дружеских социальных сетей, — действительно, все больше есть такое ощущение какого-то непрерывного стоны, что «как все ужасно, и безнадежно, и плохо, и не видно выхода». Поэтому мне бы хотелось все-таки направить

нашу дискуссию на анализ ситуации с точки зрения попытки выхода. И давайте попробуем обратиться к тем вопросам, которые уважаемый Виктор Леонидович поставил, но не ограничиваться ими, потому что мне бы не хотелось уходить от того вопроса, с которого я «прицепилась» к докладчику, — по поводу конституции 1993 года.

Виктор Леонидович у нас конституционалист, и естественно, мы все использовали его двухтомник и анализ конституционных циклов, которыми целый ряд ученых занимались. В Вышке работает Медушевский, который участвовал с нами в ряде дискуссий, и вы на него ссылаетесь, с ним полемизируете отчасти, да? Что конституционные циклы — вещь неизбежная, которая связана с разными циклами и общественного развития.

Но все-таки вот этот взлет надежды, который был обеспечен общественной открытостью перестройки и возможностью закрепить ее конституционно, где те варианты закрепления демократических институтов были действительно открыты — на мой взгляд, возможности не до конца были использованы. И этот вопрос поднимается на любой дискуссии, которую мы ведем либо с коллегами, либо со студентами, и внутри Высшей школы экономики, и за ее пределами. К нам постоянно приезжают зарубежные гости, коллеги, студенты, и говорят: как же так могло получиться, что был взлет демократического развития, был полный кредит доверия, скажем так, вот демократической команде?.. И все те встречи, которые мы с вами вспоминаем с удовольствием. Сотни, тысячи людей, которые ждали перемен, которые их поддерживали, легитимировали властную команду на глубокие демократические перемены. Перестройки институтов, которые должны были закрепить и плюралистический характер власти, и реальную систему сдержек и противовесов, и свободный независимый суд, и уважение к гражданским инициативам, которые закреплены правовыми системами. Все то, что формирует, скажем, мировую демократическую культуру. На этом периоде перестройки, который совершенно справедливо называют уникальным в нашей истории, и я действительно согласна с тем, что он был уникальный (по времени и его обозначению можно здесь разные границы проводить), этот кредит доверия общества, который имела реформаторская команда, он уникальный абсолютно был, на мой взгляд, да? И здесь многие люди, которые прожили этот период, мы все его помним.

И поэтому мне бы хотелось чуть-чуть начать вот с этого. Поскольку мы говорим все-таки о политике и праве, власти и законе, да? Чтобы мы совсем уж не только ограничивались правовыми механизмами (здесь в зале у нас далеко не только юристы). Но без юридического анализа тоже совсем обойтись, мне кажется, было бы неправильно. Особенно на пересечении вот этого механизма права и закона. И я очень рада, что присоединился к нам Илья Шаблинский. Он так тихо сел с краешка, в сторонке, но давайте пригласим все-таки Илью Георгиевича поближе к нам сюда. Профессора права. Чтобы вам всем было его видно и слышно, поскольку это еще один человек, который участвовал в этих процессах непосредственно, работал с конституционной комиссией, а сейчас в президентском совете по правам человека работает. То есть все-таки я подчеркиваю, что жива еще та команда, которая участвовала в этом реформаторском процессе. И для меня и как для аналитика, и как для практика этот вопрос остался, до сих пор продолжает вызывать дискуссии. Хотя уже многие дали на него ответы, что это баланс политических сил, который не позволил закрепить полностью демократические институты так, как они планировались в первых вариантах конституции. И все-таки необходимо было найти вот этот баланс, который позволил бы согласовать некий текст конституции, не затягивая ее принятие, да? Между конституционными комиссиями.

Но хотелось бы все-таки от авторов проектов и участников процесса услышать несколько взглядов с сегодняшнего дня. Что было главными причинами, что не позволило сохранить реальный баланс сил и разделения властей?

Ведь за что ругают конституцию 1993 года, да? И которой многие объясняют смену власти между президентом и премьером — что фактически механизм, где они сменяют друг друга, юридически оказался легитимным. Где не было сказано, например, что два срока подряд... Два срока — это не два срока подряд, и так далее. Юридические ловушки.

Я, безусловно, согласна с тем, что если властная интерпретация позволяет перевернуть смысл права, и у нее всегда есть на это достаточно полномочий... Но тем не менее и в самой конституции заложено такое количество противоречий, которые мы, как конституционные юристы, хорошо знаем, которых можно было бы избежать, если бы сам этот юридический баланс властей при ее формулировке был бы сделан более тщательно. Понимаете? И поэтому, может быть, мы вот с первого вопроса [начнем]? Мне бы хотелось услышать и мнение Ильи, и ваше мнение, и все коллеги, кто помнит этот период, кто участвовал в этом процессе. Вот все-таки уступка была значительная достаточно авторитарной модели. И давайте попробуем разобраться, можно ли было этого избежать. Илья, может быть, начнете?

Шаблинский. Хочу сказать несколько слов именно в связи с тем, что сегодня, я так понял, презентуется книга Виктора Леонидовича. Я могу кое-что сказать о его роли в процессе работы над тем, что в итоге оказалось конституцией 1993 года.

Я в 1991 году оказался в аппарате конституционной комиссии, на очень скромной должности — редактора бюллетеня. А Виктор Леонидович был народным депутатом и членом конституционной комиссии.

Конституционная комиссия была создана в 1990 году. Поначалу не шла речь о создании новой конституции. Виктор Леонидович там точнее мог бы сейчас сказать, но изначально собирались вносить поправки в действующую конституцию РСФСР.

Но конституционная комиссия решила создавать новый проект, новую конституцию. И к концу 1990 года, как водится, после дебатов и сверки текстов, появился первый текст в двух вариантах. Причем что важно отметить? Один вариант приписывали, или ассоциировали с Валерием Дмитриевичем Зорькиным, а один, второй вариант проекта конституции ассоциировали вот с Виктором Леонидовичем Шейнисом.

У Зорькина был проект с президентской республикой. То есть в чем суть? В том, что правительство назначает президента. А у Шейниса был проект, где значительную роль при образовании правительства играл парламент. Я не...

Шейнис. Простите, вторгнусь только. У Волкова, Пименова и Шейниса.

Шаблинский. Да. Ну, это будет корректней, точнее. Но я вот запомнил Виктора Леонидовича, потому что он объяснял свою позицию, он выступал неоднократно, я вслушивался. И вот эту дилемму рабочая группа внутри конституционной комиссии решить не могла. И в итоге опубликовали сразу два варианта, А и Б.

А вот какая штука. Вот этот вариант, который предлагал Валерий Дмитриевич, — что президент назначает правительство, — вот он казался очень многим из нас как-то понятней. Понятней, ближе. Ну, во-первых, тут был Ельцин рядом, который собирался

стать президентом, хотя еще должности президента не было. Было ясно, что вот человек, получивший мандат доверия от народа, назначает там свою команду, и это как-то отвечает традиции, это четко и ясно.

А что значит согласовывать это с парламентом? Что значит получать правительство, образованное этим большинством? На том Съезде народных депутатов это большинство было неприглядно. Оно было очень разнородным, разношерстным, и, в общем, оно иногда вот образовывалось — выяснялось... Выяснялось, что это вот такая консервативная масса людей, не очень начитанных, но из самых разных уголков нашей великой страны. У которых нет четких взглядов, но есть масса опасений, масса предрассудков. Трудно было себе представить, как большинство будет образовывать правительство. Вот понятно: президента избрали — он назначил правительство.

В общем, Виктор Леонидович клонил дело к тому, чтобы было больше элементов парламентской республики. Я не помню — он сам сейчас точнее, может быть, скажет. Он аргументировал это тем, что надо развивать вот это парламентское сознание и парламентаризм. Что вот сейчас появилось, первый опыт появился, и все это может быстро угаснуть.

А когда началась свара, вот эта гражданская распря, между президентом с одной стороны и большинством Верховного Совета с другой стороны... Но на самом деле — между двумя группировками внутри элиты. Две группы, которые по взглядам не очень сильно отличались, но у них были разные амбиции и, может быть, разное отношение к имперскому настоящему и прошлому страны. Ельцин довольно спокойно готов был с этим имперским образом расстаться. А какая-то часть людей, какой-то части людей этот образ был очень дорог и близок. И мы видим, что это противоречие и сейчас есть, оно ощутимо вполне. Когда началась эта распря, я помню, что Шейнис написал в том бюллетене, где я был редактором, что все кончится плохо. Что если так и дальше не будет найден компромисс, то президент попытается распустить Верховный Совет — ну, буквально вот такие слова, — и кончится военным положением и авторитарным режимом. И это было написано в декабре 1991 года, что ли. 1991-го, да.

Ну кто там читал наш бюллетенчик? Но я-то читал! То есть вот такие некоторые провидческие замечания некоторое меньшинство замечает. И я помню, что я вот скользнул взглядом и подумал: «Что-то преувеличивает». Как-то все это казалось маловероятным.

Прошел 1992 год, и вот эти две группировки вошли в клинч. Дальше вы знаете, как, чем дело кончилось.

В середине 1993 года возник новый проект конституции. Новый проект уже — я говорил, что были опубликованы варианты А и Б. Потом их Виктор Леонидович и другие члены рабочей группы, и Олег Румянцев, попытались свести воедино там. А Валерий Зорькин ушел вбок, в Конституционный суд, и начал собственную политическую карьеру. А рабочая группа доводила этот проект.

А тут — бац, и Ельцин прекратил работать в конституционной комиссии и предложил свой проект. Новый, новый. Тот, который нам сейчас, в общем, известен под названием конституции 1993 года. Это был ни А, ни Б. Вот А и Б сидели на трубе — помните их судьбу, да? Что осталось на трубе? В!

И там был заложен, да, другой механизм. И Ельцин там — ну как, он давал заказ. Я до сих пор не очень точно представляю... Вот Виктор Леонидович, наверно, лучше знает, кто форму правления выписывал. Может быть, Шахрай. Может, и Котенков ему помогал. Ну, так или иначе, получилась вот такая форма правления, где вроде бы Дума должна дать согласие, да никакой роли это согласие не играет; где Совет Федерации вроде поначалу избирался, а потом, в последний момент, Ельцин добавил две фразы, и Совет Федерации стал образовываться законодательными органами власти субъектов и т. д.

В 1993 году мне казалось: ну а почему нет? Вот такой будет умеренный орган. Но кто-то (но не Виктор Леонидович) сказал мне: «Ну, ты не понимаешь. Вот если они не будут избираться, Совет Федерации — это будет картонный, игрушечный орган. Вот не веришь?». А я тогда этого не понимал. Говорит: «Ну, ты мало еще живешь». Да. По моему, это... Ну, не важно.

Да, коллеги. За двадцать лет произошла некая эволюция, которая была связана с несколькими факторами, но какой из них сыграл главную роль — трудно сказать.

Борис Ельцин был, безусловно, отцом российского конституционализма, или конституции, это уж точно, но не очень заботливым отцом. И я уж точно могу сказать, что вот все-таки, увы, благодаря ему прокурор стал, генпрокурор, таким «карманным орудием» президента, хотя это все-таки изначально не планировалось. Там Совет Федерации у нас пытался, пытался показать, что он тоже может как-то влиять на генпрокурора, и...

Далее, другой фактор — то, что часть интеллигенции, не худшая часть, оказалась готова достраивать, выстраивать, поддерживать... Как бы это сказать? Вот авторитарную... Авторитарный вектор развития. И вообще это были не только полковники ФСБ.

Конституционный суд в течение 90-х годов в случаях нескольких споров президента и Совета Федерации и Думы брал сторону президента, когда это было совершенно не обязательно. Например, была дикая, удивительная, позорнейшая комбинация с временным отстранением от должности генпрокурора Скуратова. Виктор Леонидович знает, может быть, тоже детали. Когда в 1998 году он по тем или иным причинам стал неугоден, Скуратов.

Ну да, была некая некрасивая история, Скуратов сам описывает: его вызвали к Ельцину в госпиталь, он лежал тогда в ЦКБ, там его палата была оборудована под кабинет. Скуратов описывает это все в своих мемуарах. Мне это рассказывали как байку, а потом я прочитал в «Варианте дракона» у Скуратова о том, что его там встретили Ельцин и «какой-то застенчивый Путин», такой стесняющийся. Ельцин сказал: «Ну, присаживайтесь, давайте посмотрим кино». Ну и показал там ролик, на который Скуратову было смотреть не очень, наверно, приятно. Скуратов сказал: «Это не я». Ельцин сказал: «Ну а вообще очень похож». Ну и предложил написать ему заявление об отставке.

Скуратов был шокирован, растерян, и, в общем, через два дня он предстал перед Советом Федерации. А в Совет Федерации тогда входили губернаторы и спикеры парламентов. И, в общем, там видео с таким порнографическим содержанием их было совершенно не смутить. Они его спросили: «Вы как думаете, а почему вы стали неугодны?». Я хорошо помню, я был тогда вот как раз в правовом управлении Совета

Федерации. Скуратов искренне стал вспоминать и говорить: «Вообще говоря, тут возбудили уголовное дело против нескольких лиц из компании «Мобитекс», которая в Кремле делала ремонт. А «Мобитекс» пригласил Бородин Пал Палыч. Странная компания, в общем, они какую-то дикую смету, и вообще говоря... Но я этому сначала не придавал такого значения. Но там просто дикие расходы какие-то, вот совершенно дикие». Это то, что Скуратов рассказал на заседании Совета Федерации. «Ага, — сказали они. — Нет-нет, вы еще побудьте генпрокурором». И проголосовали. Довольно дружно проголосовали за то, чтобы он остался генпрокурором. Вот помните, да?

Президент, который направил уже представление об отставке, как-то растерялся, зависла пауза. В общем, той же ночью вызвали... Ночью, по-моему? Одного из замов Скуратова. Не знаю, кого уж там вычислили. И сказали ему... Уж не знаю, кто и как это было, но я эту историю слышал от разных источников, и она абсолютно достоверна. А что ж тут думать-то? Потому что этот человек должен был быстро возбудить дело — уголовное дело! — против своего начальника. Генпрокурора Скуратова. Зам — против своего начальника. Уголовное дело в связи с превышением там полномочий, да. Этот, значит, зам дрожащей рукой подписывает постановление, и тут же президент подписывает указ о временном отстранении от должности генпрокурора. То есть несмотря на то, что вот Совет Федерации только что выказал ему доверие, на следующее утро, когда Скуратов бодро прошелся по Большой Дмитровке, его не пустили в здание. А там была такая еще кутерьма, вот суматоха у КПП. Потому что тот майор, который там должен был это сказать, он тоже как-то трясся. Он хорошо знал Юрия Ильича, он его там пять лет пропускал. Он говорит: «Юрий Ильич, не велено, вот там...». А там уже сидит кто-то, значит, ну, тот самый зам и сидит, на месте генпрокурора.

История, в общем, кончилась тем, что Скуратов в итоге подал в отставку, но суть-то в чем? В том, что вот президент, тот, кто, в общем, нам эту конституцию презентовал, президент, которого я всегда поддерживал, показал, что он не готов считаться со сдержками ее. Не готов. Вот там, где она его удерживала. Была придумана какая-то нелепейшая комбинация, да? Скуратова не пустили, и.о. сидел там чуть ли не полгода.

Ну хорошо, депутаты Госдумы тут же... Совета Федерации. Совет Федерации отправил в Конституционный суд ходатайство о споре о компетенции. Они настаивали на том, что президент не имел права отстранять временно генпрокурора. И что Конституционный суд? Конституционный суд через три месяца принял решение, что имел право, и даже обязан был! Потому что — ну, для оперативного решения вопроса. Хотя все понимали, что уголовное дело дутое! Придуманное! Что генпрокурор становится просто карманным инструментом президента, если Совет Федерации на него никак повлиять не может. И защитить его не может! Но Конституционный суд, совсем не нынешний Конституционный суд, а еще тот, который мог бы вообще-то, как бы это сказать, помочь парламентаризму! Да...

Я потом спрашивал у Владимира Александровича Туманова. Владимир Александрович, который в ту пору уже не был, правда, председателем суда, но он был в курсе этой ситуации. Он был два года членом Конституционного суда и председателем его. И он полностью поддерживал это решение. Он мне сказал: «Ну ты понимаешь, в Совете Федерации и в Думе было столько сталинистов — надо было как-то Ельцина защитить от них».

Ну я не знаю. В общем, понимаете, вот эти двадцать лет постоянно находилась такая группа людей, группы внутри российской интеллигенции, которые готовы были

поддержать личность. Личное начало. Ну и в конце, в конечном итоге — авторитарную тенденцию. Но не институт. А такой институт, как парламент или парламентский контроль — он был такой абстракцией, такой неясной вещью. Короче говоря, даже вот вполне демократично мыслящие судьи Конституционного суда поддерживали личность Бориса Ельцина, а институту парламентаризма это вредило. В общем, получилось так, что какая-то значительная часть нашего интеллектуального слоя за эти двадцать лет, выяснилось, охотно оказалась готова, в принципе, поддерживать авторитарный принцип в политике.

Я не готов дать все ответы на... То есть это не исчерпывающий ответ на вопрос. Не исчерпывающий. Но когда я читаю там недавно статью Валерия Дмитриевича Зорькина о том, что вот авторитарность и правовое государство — совместимо ли это? «Да в общем, конечно, совместимо, а почему нет?» Это я в статье читаю — председателя Конституционного суда.

Ну, о чем это говорит? Интеллектуальная элита России расслоилась давно. Давно. И любой полковник и генерал, желающий править долго и бесконтрольно, найдет, на кого опереться. Вот что. Но это одна из причин того, почему мы пережили такую эволюцию. А куда она дальше пойдет — это отдельный вопрос, и на него надо отдельно отвечать. Всё.

Беляева. О, Илья, это то, на что я рассчитывала, приглашая тебя. Я ужасно рада, что ты пришел, потому что, мне кажется, пример уникальный, абсолютно уникальный пример с историей со Скуратовым. У нас очень много таких примеров, к сожалению, да? Где, выбирая между поддержкой лидера в конкретной каждой ситуации и институциональными обязательствами, и правовыми обязательствами, и правом как таковым, люди, от которых это зависит и которые, в общем, ничего не теряют даже в этой ситуации и никак, в общем, особенно не рискуют ничем, тем не менее выбирают авторитарную тенденцию. И мне кажется, ты сформулировал просто страшный такой приговор, в том смысле, что значительная часть интеллектуальной элиты, хорошо образованной... Потому что если мы говорим о среде и об обществе, то, конечно, не только о том народе, который создал песню, подобную стону, да? Мы говорим сейчас об интеллектуальной элите, которая получала образование в хороших университетах. И отлично знает, так сказать, мировых классиков парламентаризма и важность сдержек и противовесов в разделении властей, и у них нет недостатка образования в этом. И тем не менее раз за разом, когда возникает такой выбор, они делают выбор в сторону поддержки личности.

Вот, видимо, надо, конечно, дать следующее слово Виктору Леонидовичу, чтобы он немножко раскрыл эту мысль. Насколько в период создания конституции и формирования институтов можно было все-таки консолидировать ту часть элиты, которая отвечала за формирование правовых основ государства, которая бы, скажем, больше придерживалась принципа уважения институтов? Была ли такая элита? Могла ли она быть консолидирована? Могла ли она отстоять демократический вариант конституции, в котором было бы полноценное разделение властей, а не реально все-таки перевес значительный в сторону президента? Это реально важно.

Шейнис. Нина, я не знаю, стоит ли сейчас мне опять включаться в обсуждение. Может быть, лучше было бы послушать и других ораторов? Я имею соображения на этот счет, но мне кажется, что солирование мое вроде бы в начале затянулось. Может быть, кто-то еще захочет высказаться? А я потом...

Беляева. А я смотрю, уже люди хотят. Пожалуйста, давайте прямо по кругу. Мне кажется, первый Полищук был. Давайте с него начнем. Вы только себя называйте. Может быть, не все знакомы.

Полищук. Спасибо. Да, конечно. Так, меня зовут Леонид Иосифович Полищук, я профессор Высшей школы экономики.

Виктор Леонидович, это очень ценная возможность обратиться к вам с моими соображениями по поводу того, что произошло с российским конституционализмом. И попытаться ответить на четвертый из заданных вами вопросов, о роли общества.

Вы, безусловно, знаете, что конституция на бумаге сама по себе мало что значит, и что успех конституционных режимов очень сильно зависит от того, до какой степени эти режимы имеют общественную поддержку, и это многократно подтверждено эмпирическими данными по самым разным странам мира. И я возьму на себя смелость утверждать, что проблема российской конституции заключается не столько в букве этой конституции, сколько в том, что у нее нет поддержки в обществе. И может быть, попытаюсь высказать соображения по поводу того, почему дело произошло именно таким образом.

Вы говорили о светлом периоде, периоде перестройки, начале 90-х годов. В это время действительно в обществе был очень серьезный, сильный, консолидированный массовый спрос на демократию. Причины возникновения этого спроса — это отдельная тема, но факт налицо. Налицо также и то, что восприятие в обществе ценностей демократии и свобод конституционного режима в середине 90-х годов исчезло. И до сих пор практически отсутствует. И, собственно, мне кажется, очень важно понять, почему это произошло.

Я хочу предложить следующее объяснение. Очень часто говорят, что демократия в России не имела исторических корней. И что, например, реформы в прибалтийских государствах, Центральной и Восточной Европе были гораздо более успешны, потому что в этих странах существовал опыт демократического развития, по крайней мере между войнами.

У меня есть некоторые основания сомневаться в важности этого очень короткого исторического опыта, потому что, скажем, если говорить о государствах Восточной Европы и Прибалтики, то между войнами эти государства были авторитарными в своей основной массе. Латвия очень естественно соскользнула от номинально демократического института в диктатуру Ульманиса, в Литве возникла диктатура Сметоны, а Румыния, Польша, Венгрия — всё это были государства более или менее диктаторские. Так что исторический опыт не так важен, и работы социологов в Прибалтике говорят о том, что у людей на самом деле очень сильная ностальгия об авторитарных режимах между войнами. Так что речь идет, мне кажется, не столько о длительной исторической зависимости, сколько о шоке перестройки.

А шок перестройки возник потому, что — как и вы, и как коллега Шаблинский об этом сказали — у реформаторов, у президента, у людей, которые окружали президента, было очень сильное недоверие, что общество готово поддержать реформы. Общество воспринималось как препятствие реформам. И отсюда либо сознательный, либо естественный, спонтанный выбор в пользу политического режима, который от общества оказался изолированным. И отсюда же — готовность манипулировать конституционными нормами, не рассматривать их как реальные сдержки и противовесы ради великой цели. А

великая цель состояла в том, чтобы утвердить институты рыночной экономики, чтобы утвердить номинально институты демократии, и потом, когда обе эти задачи будут решены, Россия будет устойчиво развиваться. Но вот мне кажется, это была серьезная ошибка. Потому что цена, которой эти институты были утверждены, оказалась непомерной. Люди были лишены достоинства, люди были очень сильно унижены, и люди потеряли веру в то, что демократия, права, свободы, конституция защищают людей.

В результате в обществе возникли так называемые «ценности выживания», когда у людей не осталось никакого выбора, кроме как самостоятельно заботиться о собственном благополучии, и при таких ценностях выживания, разумеется, нигде нет никакого интереса к общественным делам. И взамен возникает очень сильный спрос на авторитарное государство, который, собственно, и был естественным образом удовлетворен.

Так что моя гипотеза, если угодно, — у меня есть некоторые эмпирические данные, которыми я готов ее подтвердить, — состоит в том, что первопричина возврата России на авторитарные рельсы состоит в том, что в начале 90-х годов общество рассматривалось не как ресурс, не как фактор реформ, а как препятствие реформам. И надежды на то, что это временное явление, не оправдались. На самом деле, эта традиция отстраненности общества от принятия общественных решений, и пренебрежение, презрение, неуважение к конституционным нормам, и готовность, если угодно, санкционировать достаточно циничное манипулирование этими нормами — корни этого, мне кажется, находятся в начале 90-х. Мне было бы очень интересно ваше мнение на этот счет узнать. Спасибо.

Беляева. Давайте, действительно, соберем как можно больше мнений, а потом дадим Виктору Леонидовичу слово, хорошо? Пожалуйста! Тоже представляйтесь, чтобы все были лучше знакомы, кто присутствует.

Молчаков. Никита Молчаков, МГИМО. Хотелось бы... Вот на ваши три как минимум из четырех вопросов, мне кажется, ответ находится как раз в названии вашей книги. Вы ее назвали «Власть и закон». Но, например, не «Публичная политика и право», «Политические институты и право», «Политические институты и правовое государство» — вариантов может быть много. Мне кажется, именно вот в этом где-то кроется и ответ. Потому что наша вся политико-правовая традиция знает только власть и закон, но не политику и право.

Здесь целесообразно, мне кажется, обратиться к двум великим мыслителям. Это Вебер, Макс Вебер, который очень хорошо когда-то описал такой тип государства, назвав его «сословным», очень давно. Вообще познавательная ценность Вебера для российской действительности очень высока, потому что он знал русский, переписывался с нашими конституционалистами, с Петром Струве и т.д.

Наше государство, безусловно, сословное. Безусловно. Есть в нем феодальные черты. Институтов у нас, можно сказать, нет. Потому что институты — это устоявшиеся практики, а у нас же в основном практики все спонтанные — об этом пишет тот же академик Пивоваров, к примеру, в своих работах. Практики очень спонтанные. Это первое. Поэтому, мне кажется, у нас есть власть, а нет публичной политики.

Второй вопрос — это вопрос другого, русского, мыслителя. Русского мыслителя Коркунова, который объяснял, почему у нас нет парламентаризма на Руси, никогда не было. Потому что у нас всегда не было права. Права сословия, права корпорации, которое

предъявлялось к верховной власти. У нас сама верховная власть ограничивалась законом. Поэтому закон может быть любой. Вот профессор Шаблинский сказал о том, что у нас оперативное оружие — это закон. Да, у нас закон, вот указ президента — это оперативное оружие для разрешения каких-то проблем, но никак не правовое.

А потом, возвращаясь еще к моей первой мысли, почему у нас несменяемость? Да потому что у нас у власти — сословие. А сословия у нас, как мы знаем, обладают корпоративной замкнутостью. Поэтому как попасть в это сословие? Вот это вопрос о том, откуда у нас могут возникнуть новые реформаторы. Как они могут туда попасть?

Западные ученые, тот же Самюэль Хантингтон, считали, что да, можно путем там коррупции разрушить, скажем, в традиционном обществе эту корпоративную завесу, как мы, юристы, это говорим в гражданском праве. Но не получилось ее так разрушить. Понятно, к чему нас коррупция привела.

И вот мне кажется, вот в этих как раз таких трех ключевых моментах и заключается ответ на все первые три вопроса.

А что касается четвертого, то здесь перестройка сыграла все-таки скорее отрицательную, чем положительную роль. Все-таки мы наблюдаем сейчас очень сильный демонтаж российского общества. Сейчас сложно сказать, что в России существует общество. Потому что количество наличия связей между его субъектами минимально. Если в том же СССР мы имели намного большее количество связей, намного, социальных связей... Я не социолог, могу ошибаться, конечно, но мне так кажется, я так вижу. Может это эмпирика не подтверждать, но разрыв очень сильный. Нет общности; нет много чего, чего было. А как это создавать, как собирать общество — это вопрос тоже открытый, над ним тоже можно поразмышлять. Вот, мне кажется, из таких повесток нужно исходить, размышляя над этими четырьмя вопросами. Спасибо вам большое за доклад. Спасибо!

Беляева. Спасибо. По поводу атомизированности общества вот в этом зале было очень много докладов, и *, что увеличивается атомизация, так что *. Пожалуйста, тоже представьтесь.

Кочедыков. Кочедыков Иван, политолог. Прежде всего, хочу сказать как крымчанин — Крым наш. Это такое вот... Ну, наше, крымское мнение.

Итак, хочу начать с вопроса перестройки. Чем была вызвана? Если посмотреть с миросистемной перспективы, то начиная с 70-х годов СССР встраивался в мировую систему. И встраивался в мировую систему экономическую как государство-поставщик ресурсов. Соответственно, перестройка — это такое политическое событие, которое подготовило политическую систему к этой новой экономической роли. Соответственно, мы хотим получить какие-то демократические институты, но они не вытекают из этой экономической модели. Это вытекают нормально олигархи, с некими авторитарными чертами.

Если посмотрим на формирование конституций в Европе на заре Нового времени, на английскую конституцию, на французскую конституцию — да, они принимались демократически. С разделением властей. Но потом, во время этих преобразований... Робеспьер говорил, что «у нас демократические нормы есть, но мы пока не можем их применять: время тяжелое». 90-е тоже были временем тяжелым. И одним из условий демократии, ну как, если брать ее главное понимание, является материальный достаток.

Народ лишили всех сбережений. Народ лишили работы, заводы закрылись. Какая демократия тут?

По поводу разделения властей. Но еще Гегель писал в своей «Философии права», что механическое разделение властей пагубно для государства. Только какое-то органичное должно быть. У нас общество расколото. Соответственно, представители различных идеологических взглядов оказались во власти. И тут нету какой-то возможности для вот такого органического разделения властей. Получается механика, когда лебедь, рак и щука — каждый тянет в свою сторону.

По поводу Ельцина и его авторитаризма — ну, это опять-таки та же самая динамика на какую-то консолидацию проведения реформ. То есть можно, конечно, было все взять, отпустить, разделить власть, принять демократическую конституцию, в любом проекте, которая до ельцинского была, но она так же бы никогда не заработала. Потому что само экономическое положение было другим.

И что касается нынешнего времени и так называемых общемировых тенденций, то мы видим, что недоверие к законам, конституциям возрастает по всему миру! В той же самой Европе, в США. Ведь у нас идет тенденция, вот в Европе, последние выборы в Европарламент что показали? Что каждая нация как-то стремится самой себе... сохранить, какую-то свою идентичность сохранить. И тоже нарастают авторитарные тенденции. Ну, собственно, как и у нас.

И что будущее нам готовит? Ну, это надо смотреть опять-таки долгую экономическую перспективу. И вопрос о реформах — это вопрос прежде всего об экономике. Если у нас сейчас большая часть регионов дотационные, то встает вопрос, не рухнет ли экономика России. А если она рухнет, то будет еще более жесткий авторитаризм, чтобы как-то ее поднять. Либо России не будет. У меня всё.

Михалева. Спасибо. Галина Михалева, партия «Яблоко» и профессор РГГУ. Мне бы... Извините, я не удержусь, я отвечу немножко нашим молодым друзьям, коллегам. Знаете, иногда очень хочется все упростить, чтобы картина мира была такой ясной, простой, и вот сказать: «Ну вот в России никогда не было права». Но не так это, товарищи дорогие! Посмотрите период после Великих реформ, да? И земства работающие, и суды присяжных, и реформа университетов. Нельзя упрощать историю нашей страны! Были разные корни, были разные тенденции, было развитое общество, были благотворительные организации. Ну и далее по списку, да? То есть картина сложнее.

Сейчас вот этот тезис, с которым я тоже много раз здесь спорила, насчет атомизации — есть атомизация, но есть и совершенно другие тенденции. Есть другие тенденции, и я вас приглашаю — приходите, пожалуйста, скажем, на митинги против Северо-Западной хорды. И вы увидите это самое общество! Или приходите на митинги, скажем, в защиту... Чего там? Лосиногостинского острова. Тысячи людей собираются! Митинги в Митино. Вот с вами рядом коллега сидит — она вам тоже расскажет, как эти митинги организуются, как люди приходят, как они защищают от вырубки, от уплотнительной застройки. Ну или даже митинги в защиту Утриша — по всей стране! Или там борьба против строительства никелевого завода в Черноземье, в Воронеже и в окружающих областях. Есть это всё! Зачем же глаза на это закрывать? Вот это и есть та самая надежда, о которой говорит Виктор Леонидович. То самое нарождающееся общество.

Но конечно, давят его сейчас. Ну они и не регистрируются, их нельзя припечатать «иностранными агентами». Они связываются друг с другом по сетям. Ну сети запретят — ну будет сарафанное радио. Это нельзя задавить.

Ну а теперь более фундаментальные соображения, о которых, я думаю, Виктор Леонидович не сказал, просто потому что временные рамки были такие. Потому что мы в «Яблоке» как раз очень много об этом говорим.

Я думаю, две фундаментальные вещи привели к той ситуации, в которой мы находимся сейчас. Первая — это отсутствие видения вектора развития, то, что мы называем европейским путем. В самом начале это было, помните, еще Козырев говорил, Горбачев... Да, Горбачев, «от Ванкувера до Владивостока», да? Европа. Потом Козырев просился в Евросоюз. Ну а потом про это забыли, и, как вы помните, вот кто постарше, как Ельцин объявил конкурс на национальную идею через «Российскую газету». То есть не было ощущения, что это такое. Но не было не только видения будущего — не было еще и оценки тоталитарного прошлого. А, в общем, история показывает, что страны, которые прошли такой тоталитарный период, — им все равно приходится к этому возвращаться, им все равно нужно давать оценку. Даже те, кто этого не делал, для примера, * в Польше или в Чили, которые сначала не хотели этого делать — все равно пришлось, через двадцать лет они к этому вернулись. А у нас вместо этого снова закрыли архивы, снова об этом забыли, и остался один любимый мной «Мемориал», который этой проблематикой занимался.

Ну и неудивительно, что сейчас у нас политические деятели — вот как в Питере было, я сейчас не говорю там про разных бабушек-сталинисток — ходят с портретом Сталина, что у нас сталинобусы, что у нас это доблестью считается, да? То есть все перевернулось! И вот мы живем в каком-то совершенно перевернутом мире. И поэтому ожидать, что как-то люди будут верить в правовые нормы сейчас, не очень приходится.

И третье — я хотела задать вопросы Виктору Леонидовичу. Три вопроса. Первый: как получилось так, что в конституции не оказалось слова «партии»? То есть партий там вообще нет. Есть многопартийность, и всё. И из-за этого наш законодатель сейчас мечется все двадцать лет, меняя одну систему на другую, одни нормы на другие.

Второй вопрос связан с принципами федерализма. Почему они так невнятно там прописаны были? Что, специалистов не было, или просто не знали, как это? А как там оказались совместные полномочия, например, центра и федерации? Что, собственно, привело нас в результате практически к унитарному государству, хотя, как по конституции, у нас федерализм.

И третье, вот то, о чем уже говорили, но мне хотелось бы знать ваше мнение. Вот я думаю, например, что самая главная ловушка и самая главная «засада», как сейчас говорят, в конституции — это президенциализм, или, другими словами говоря, это суперполномочия президента, которые не только связаны с полномочиями во всех трех властях, но и с возможностью создавать органы, которые никак ни в конституции, ни в законах не прописаны. Администрация президента, всякие советы и далее по списку. Вот как, это недосмотрели или это специально было продавлено, когда писался последний, ельцинский вариант? Спасибо.

Торогильдеева. Меня зовут Бактыкан Торогильдеева, я профессор Академии государственного управления при президенте Кыргызской Республики. Мы живем при парламентской

президентской республике. И действительно, наверно, наш опыт для вас тоже будет очень полезен. Конечно, хочется много сказать, но я поддерживаю мнение вот профессора, который сказал: для демократии нужно, действительно, политическая культура общества должна соответствовать этой демократии.

И те политтехнологии, которые были применены по отношению к нашему государству, и как по отношению к Украине... Точно так же, я думаю, наглядно мы все это видели. Но тем не менее мы живем при парламентской республике уже четвертый год, и я хочу сказать, что наше население, и мы в реальности видим, что это очень правильный для нас путь.

Во-первых, у нас есть свобода слова. Многопартийная система. И вот парламентская система показывает, что это конкуренция, потому что деятельность каждой партии наглядно видно, и действительно — я не скажу, что это идеально, но у нас идет процесс только формирования этих понятий.

Говорить хочется очень многое, но самое главное хочу сказать, что для нас очень сейчас важна стабильность в нашем государстве. Поэтому те демократические элементы и консолидация, о которой вы говорите, демократических сил, в интеллигенции и т. д., у нас точно так же это происходит, но это другое, наверно. Сравнивать с таким огромным государством, наверно, сложнее. В нашем государстве действительно сейчас идет консолидация тех сил, которые хотят сохранить государство, сохранить те завоевания, которые у нас есть. Но это идет очень сложно, потому что два раза авторитарное президентское правление в нашем государстве перерастало в кланово-семейное правление. И два раза семейно-клановое правление происходило путем, я не знаю, захвата власти, да? Не правовым действием населения и как бы свержением той власти, которое было.

И поэтому еще раз я обращаю внимание, что действительно к демократическому процессу должно быть население подготовлено. Но я изучаю политическую культуру, я знаю, что в России тысячелетиями идет культура подданничества. То есть граждане полностью доверяют власти, и она способствует авторитарному режиму. То, что происходит в России, на мой взгляд, как гражданина другого государства, это закономерный процесс. И те демократические элементы, которые у вас происходят сегодня, мы тоже видим, — вот митинги и т. д. у вас только-только начинаются! Но это можно, действительно, проводить в рамках закона. Чтобы не было то, что произошло у нас, и то, что происходит на Украине. Спасибо.

Женщина 1. Добрый день! Если можно, присоединюсь к обсуждению. Очень приятно познакомиться с вами лично, потому что когда я была еще студенткой, потом аспиранткой, потом молодым преподавателем, у нас, в общем, не было, наверно, ни курсовой работы, ни дипломной, где не было бы ваших авторских работ. Ни одного семинара, наверно, по политологии, где мы не обсуждали бы проблемы, поднятые вами. Поэтому еще раз благодарю за приглашение, очень приятно. А теперь — собственно к диалогу.

Я несколько мыслей постараюсь накидать, потому что, в общем-то, не обладаю на сегодняшний день такими большими знаниями, как представители нашего старшего поколения профессуры, но тем не менее есть ряд замечаний, которые бы хотелось мне обсудить.

Я бы добавила к тому списку предшествующего оратора в вопросах федерализма и попытки найти оптимальную модель между федерацией и унитарным государством еще и то, что, на мой взгляд, в конституции 1993 года тоже не прозвучало и на сегодняшний момент является одной из проблемных точек России. Это местное самоуправление. Потому что пустая, по сути говоря, глава, которая должна была бы дать возможность общественным движениям, обществу некий неформальный или, может быть, даже формально властный опыт в рамках органов местного самоуправления, некой властной практики, законодательной практики, может быть.

В свое время, стажирясь в Соединенных Штатах Америки, в Калифорнии, я очень часто сталкивалась с тем, что именно на уровне местного самоуправления там гораздо больше инициатив и больше возможности включаться в политическое публичное пространство, нежели это существует у нас. Потому что на сегодняшний день не только регионы не имеют возможности какую-то проявить, действительно, свою государственную самостоятельность в рамках федерации, а на местах ее вообще нету. Даже в таких, казалось бы, крупных центрах, как Москва, мы не видим, собственно говоря, действий местных управ. Мы не видим выборов этих местных управ. По большому счету, их нет.

Вот это выключение из политического пространства местного самоуправления фактически опять-таки декларативная глава в конституции, наверно, повторяет всю эту тенденцию, о которой Виктор Леонидович говорил, в рамках первой и второй главы конституции. К сожалению.

Теперь — к вопросу, собственно, который выкристаллизовался в результате выступлений: об авторитарных тенденциях.

Когда я была студенткой, мы действительно... И тесно сотрудничала с региональным отделением «Яблока» (я с Дальнего Востока) и СПС. У меня, в общем-то, вопрос, наверно, один из тех, который был добавлен к вашим вопросам. Почему на сегодняшний день, при таком действительно очень сильном толчке, демократическом толчке 90-х годов, демократических либеральных политических партий, правых — мы их не видим? Они фактически не присутствуют ни в информационном пространстве, ни в гражданской инициативе.

И наконец, к вопросу об авторитаризме. Может быть, я очень перескакиваю. Защищая диссертацию, когда я писала диссертацию и защищала ее в МГУ, будучи в демократическом крыле политических партий, я, естественно, задавалась этими вопросами, а диссертация у меня была по выборам: легитимизация власти, институты выборов. Уже тогда все эти проблемы стали подниматься. И вопросы системного кризиса, собственно говоря, после выборов 2000-х годов, и вектор на авторизацию власти, авторитарный режим в усилении вертикали власти и принятии указа президента о федеральных округах и представителях федеральных округов. И, собственно, запрет на выборы губернаторов, который недавно был снят. И введение де-факто однопартийной системы, да? Сейчас мы говорим о либерализации партийной системы, хотя, собственно говоря, мы ее не видим на практике, да.

Так вот, я думаю, что авторитарный режим — это попытка найти баланс между опасностями демократии и опасностями тоталитаризма. То есть пусть лучше будет авторитарный, но не будет жесткого тоталитарного режима или не будет неконтролируемого, стихийного, да? Такой страшной для нашего государства демократии.

Вот, пожалуй, мне кажется, это не самый лучший выбор — избежать, между Сциллой и Харибдой попытаться проскользнуть. Наверно, формирование неких институциональных элементов должно присутствовать. А вот как это сделать — конечно, это... Я думаю, что мы не сможем сейчас ответить в рамках этого семинара, но по крайней мере можем это обсуждать.

Беляева. Дмитрий, Юлия! Пожалуйста, Дмитрий!

Петров. Спасибо. Дмитрий Петров, журналист, политолог. Я бы хотел остановиться сейчас просто на своем практическом опыте, который говорит о том, что, к сожалению, существующее ныне в России законодательство уже не в состоянии хоть как-то стимулировать развитие гражданского общества. Мы сталкиваемся с этим постоянно, и все ожидания, которые были когда-то связаны с тем, что принимаемые законы и другие акты будут содействовать этому развитию, будут стимулировать развитие гражданского общества, стимулировать разнообразие, стимулировать более живое и эффективное его существование, — к сожалению, все эти иллюзии не состоялись. И это свидетельствует, в частности, о том, что, к сожалению, уважаемый господин Шейнис во многом прав в своем анализе.

А с другой стороны, совершенно понятно, что тогда, когда не существует стимулирующего законодательства, гражданское общество начинает развиваться само. Оно развивается само, но при этом часто сталкивается, особенно в таких обществах, которые тяготеют или власть в которых тяготеет к установлению тех или иных форм авторитаризма, — вот эта самая власть, используя не правовые, а совершенно другие механизмы, стремится гражданское общество как можно более плотно подтянуть к себе, регулировать, управлять им, доминировать в нем и контролировать его. Чему часть гражданского общества с радостью подчиняется, а другая часть, напротив, начинает этому сопротивляться.

Я считаю, что... И вообще перечислил бы несколько важных иллюзий, с которыми мы сталкиваемся в этом пространстве. Одна из этих иллюзий — это иллюзия о возможности гомогенного, монолитного общества. Не бывает! И не будет в России. Его невозможно создать, и в России оно создано не будет. В России всегда будет существовать в разной степени эффективное, но тем не менее сопротивление попыткам установления единомыслия. Прежде всего потому, что любое единомыслие или же иллюзия единства — это всегда вызов развитию. Невозможно никакое развитие в монолитном гомогенном обществе. А в этом смысле всегда рано или поздно придется столкнуться с противодействием этим попыткам, в большей или меньшей степени революционным.

Другое дело — монолитность элит. Это тоже иллюзия. Потому что элиты — это то пространство, где правовые нормы и правовые акты действуют, скажем так, не слишком активно. В основном они там просто игнорируются, там действуют совершенно другие законы и правила. И монолитность элит — это также иллюзия. И монолитность элит в России — это тоже иллюзия, потому что мы хорошо знаем о тех конфликтах и тех многочисленных соперничествах и конкуренции различных групп интересов, которые существуют в российских элитах, в том числе и в том, что мы называем властью.

Вот, собственно, и все, что я хотел сказать. Сейчас остается лишь только надеяться на то, а по возможности и содействовать тому, чтобы действия и активность гражданских

активистов, которую мы наблюдаем каждый день и в самых разнообразных областях — к сожалению, ушла Наталья Пелевина, которая могла бы об этом много рассказать, — так вот, чтобы эта активность все-таки по возможности была мирной и осуществлялась в рамках пусть даже тех законов, которые есть у нас сейчас. Хотя, к сожалению, возможно, мы столкнемся с другим. Спасибо.

Беляева. Коллеги, мы договорились изначально, что мы завершим к трем работу — официальную, да? Я думаю, что потом вы можете общаться неформально, но у нас вот время было спланировано с часу до трех. Поэтому если кто-то еще рвется в бой, хочет выступить, вы обозначьте, или тогда мы будем подводить итоги. Кто-то еще хотел бы выступить, нет? Юлия, тогда я потом выступлю, закончим и дадим затем слово... Пожалуйста!

Рудт. Спасибо большое за выступления, за выступления комментаторов. Меня зовут Юлия Рудт, я являюсь магистром кафедры публичной политики Высшей школы экономики. Постараюсь быть краткой, ввиду регламента.

Первое, что хотелось бы — некий фидбэк по отношению к тем комментариям, которые уже были высказаны. Буквально вчера я была на летней школе для юристов в ИЗиСПе, я думаю, известной вам организации, и приезжала заместитель председателя правительства Голодец, которая очень сокрушалась о законодательстве в регионах, о том, что оно не дискретное, надо его сделать дискретным. Каким образом? Просто принять на уровне федеральном все основные законы. Очень простое решение. Но это к тому, как у нас развивается федерализм, и в принципе как можно решать проблемы в субъектах — просто поднимая вопрос на уровень федерации. Т. е. есть ли у нас вообще в субъектах право возражать на подобные доводы?

Касаемо некоторых концептуальных вещей. То, как я сегодня вижу, на мой личный взгляд, проблемы того, почему в России не развиваются демократические институты, демократическое сообщество, почему слабо оно развито, существуют определенные попытки. На мой взгляд, это связано с тем, что у нас монополизирована власть. Не власть в широком смысле и в широком понимании, а именно власть как центр принятия решений. И прежде чем говорить о том, что именно надо изменять в различных секторах, надо понять, почему у нас складывается такая ситуация, что основной центр принятия решений един. Почему невозможно на него на сегодняшний день повлиять, и если можно, то как? Внедряясь в систему, разлагая ее изнутри, либо ее трансформируя, создавая новые институты, которые смогли бы противостоять данному центру.

Еще интересный, на мой взгляд, был вопрос, связанный с Конституционным судом, с трансформацией данного органа, который в принципе во всех странах задумывается как некий координатор для разных ветвей власти, при этом не выступающий на стороне ни одной из властей. На сегодняшний день вижу я, что слабость суда подпитывается слабым парламентом в России. Слабые законы, разработанные, в принципе, на достаточно понятной и ясной политической конъюнктурной основе. Даже почитать пояснительные записки в Госдуме, в принципе, будет достаточно, чтобы понять, что именно, какие публично-правовые проблемы они хотят поднять, и публичные ли они.

Поэтому у меня есть такая определенная идея того, что всегда слабые суды связаны со слабыми парламентами, и друг друга они подпитывают в этом. И если ни один из данных институтов не начнет работать наперекор определенной линии, то, в принципе, можно забыть о том, что они независимые, и в определенном плане они будут всегда

взаимодополняемые в линии поддержания как раз того самого монополизированного центра принятия решений.

То, что касается идеи взаимоотношения общества и государства в России, достаточно широко обсуждаемой сегодня и в рамках комментариев других спикеров. Хочется, наверное, сказать о том, что я, как представитель молодого поколения, в принципе не вижу ясной концепции того, как должны взаимодействовать общество и государство, и что это, как мы должны сегодня воспринимать. Как Фуко говорил, государство для нас должно стать инструментом, просто будет инструментальной функцией, и общество будет от него независимо. Мы будем создавать институты местного самоуправления, хорошо, будем создавать корпоративизм, например как в Швеции, да? Либо мы будем говорить о том, что это отдельные институты, каждый из них имеет свой функционал, но взаимодополняемые. То есть мне тоже непонятно, и возможно, стоит задуматься о том, что прежде чем работать с обществом, надо видеть линию, или представить эту линию, как мы должны взаимодействовать между собой. С этой же властью, если мы с ней работаем и не отождествляем ее с обществом, разобщаем их, либо... На мой взгляд, пока нет идеологической определенной подоплеки, достаточно тяжело представить развитие. Спасибо.

Беляева. Если я не вижу больше желающих выступить, значит я тогда две минуты выступлю сама на вопросы Виктора Леонидовича, чтобы совсем уж не остаться без своего собственного мнения, и я просто пройду по тем вопросам, которые прямо и были поставлены. Очень кратко, просто за одну минуту.

Во-первых, как долго это может продолжаться? Это может продолжаться сколько угодно долго! Понимаете, мне кажется, что вот это ощущение, что вот еще немножко осталось, вот еще совсем чуть-чуть, вот уже это режим на грани краха, вот сейчас совсем плохо, и вот осталось еще два шага, и сейчас это все рухнет... Я тоже помню, что и в Центре Карнеги, и в целом ряде аналитических записок, которые тоже тут публиковались, измерялось время: а сколько осталось вот этому режиму, плохому, недемократическому? Совсем чуть-чуть. Мне думается, что надо как-то вот оставить эту риторику и сказать, как долго может быть плохо. Может быть плохо сколько угодно долго. Просто нет такого лимита, который не мог бы быть продолжен, да?

И, значит, не закрыт ли при этом эволюционный путь? Тем не менее он не закрыт. Он просто другой. Мне кажется, противопоставлять... Вот эволюция, которая идет сверху, через раскол элит, и там появится демократическая команда, которая, как Горбачев, ее консолидирует, и вот она-то все поменяет — это одна альтернатива. А другая значит сейчас вот — как революции цветные в Киргизии, которые сметают авторитарные режимы. И вот у нас выбор только между расколом элит и революцией. Это не так. Есть гораздо больше способов эволюции! И поэтому не надо себя ограничивать этим выбором каким-то примитивным, там вариант А и вариант Б. Вот они всегда падают с трубы, и вылезает какой-то совершенно третий, четвертый, пятый варианты.

Какие это могут быть варианты? Конечно, эволюционируют и общество, и элиты, и властные вертикали, и самые разные... Все-таки субъектов социального развития в России гораздо больше! Не надо себя тоже ограничивать этим и говорить, что какая-то есть вертикаль и какое-то безгласное общество, и между ними ничего нет. Это не так.

Мы знаем, что есть целый ряд местных властей и муниципальных, которые далеки от того, чтобы молчать и не выражать мнение! И в Москве после выборов последних были

созданы управы, которые продолжают наращивать, и вы наверняка их знаете. Правильно? Ну, разумеется, нет тенденции перелома, но нет и пустоты!

Понимаете, когда я говорю, что социология в целом говорит, что атомизировано общество, это не значит, что нет параллельной консолидации — новой консолидации! Что она идет полным ходом, понимаете? Есть противоречивые тенденции, да? В обществе в целом есть ощущение, так сказать, вот как Юлия говорит, «а мы не понимаем, что происходит, работать ли нам с властью или без нее». Есть такое мнение, но есть и значительное количество людей, которое растет, которые понимают, что делать. И надо внимательней посмотреть вот на эту часть.

И поэтому я думаю, что вот четвертый вопрос, вопрос об обществе — он, на самом деле, самый главный. И как Леонид Полищук сказал (мне тоже хотелось бы потом эту идею как-то продолжить), что если действительно общество было настолько шокировано, что власти вот демократической отказало в поддержке, и как надо с ним работать дальше, чтобы оно само себя смогло осознать имеющим смысл, достоинство, умение консолидироваться, высказывать собственное мнение, — и мы видим, что это начинается. Я, во всяком случае, теперь уже свои исследования форматирую не как там «НКО» или «движения». Сейчас самый последний тренд, который опять же глобальный, мировой, — что идет консолидация на уровне публик. Создается публика во множественном числе. Разные публики, которые взаимодействуют помимо организационного центра, через общий дискурс, который они создают. И они могут консолидироваться-то очень быстро, и они превращаются в консолидированно действующих субъектов.

Вы говорите: «А вот эти вот люди собрались. Кто все эти люди?». Все эти люди одинаково понимают проблему, понимают, что они должны к ней отнестись и как-то ее решать, и они готовы сообща действовать. И для этого им не нужно создавать ни какое-то массовое движение, ни НКО, даже ни партию. Я не возражаю, что все-таки партии являются основой участия населения при политической консолидации и выборах, но тем не менее общественную консолидацию я считаю более важной.

И поэтому если мы более внимательно будем наблюдать за общественным развитием, созданием множественных публик, способных действовать консолидированно для определенных условий своей собственной жизни и деятельности, на местном уровне в первую очередь и в конкретных секторах — в здоровье, в образовании, в миграции, в конкретных управленческих сферах. В политико-управленческих сферах возникают новые субъекты управления. Надо к ним повнимательней присмотреться. Какое это имеет отношение к власти и закону?

Тут, мне кажется, очень интересно наш молодой коллега сказал, что уже в заглавии книги вот это противопоставление — оно слишком общее. Понимаете? Потому что тут нету даже слова «право». Тоже, наверно, не случайно. Мы очень мало видим сейчас элементов, которые бы говорили о праве именно, поскольку право — это единая система выработки, структурирования, формулирования норм. Вот мы с профессором Фогельсоном накануне, который сейчас хотел с нами участвовать, сейчас в больнице, к сожалению, — он мне говорит: «Нина, обязательно процитируй Фултона, что это все-таки... Право — это предприятие по встраиванию людей в действие в рамках норм, которые вместе же они и вырабатывают». Есть, конечно, властные органы, но вот привычка действовать по правилам — это сложнейшая вещь! И понятно, она не исчерпывается понятием закона.

Поэтому если мы хотим в будущем говорить именно о праве, о правовой основе, о правовом сознании, это не значит «надо выполнять те законы, которые есть». Надо понимать, как работает право как система норм и ценностей, которые вырабатываются обществом совместно. И пример Киргизии замечательный, потому что мне... благодаря тоже Центру Карнеги, между прочим, потому что работал проект «Восток — Восток» с Сэмом Грином, который меня делегировал на работу с конституцией в Киргизии. Понимаете, вот как все в мире связано. И там действительно был острейший кризис, постоянно сменяются авторитарные режимы, и сможет ли республика, молодая, с неструктурированным населением, справиться с парламентской формой правления? И целая группа интеллектуалов доказывала, что «сможет, сможет, сможет, попробуйте наконец!». И мы с командой, собранной «Восток — Восток», и с интеллектуалами и молодыми политиками в Киргизии доказывали, что сможет, не надо этого бояться. Понимаете, очень странно сейчас сравнивать современную Киргизию с Россией 90-х годов, но это был тот же выбор! Это был тот же выбор! Вот есть хороший парень, он демократ, давайте ему поручим — он все сделает как надо. Или мы включаемся в систему выстраивания очень сложного согласования интересов, с самыми разными группами, которое совершенно непонятно чем закончится, но если мы не будем этого пробовать, мы никогда не построим демократической системы!

Поэтому я аплодирую политикам и обществу Киргизии — там была масса кризисов! Была угроза религиозного вмешательства в конституцию, но тем не менее они попробовали и отстояли, пожелаем им удачи. И я думаю, что для России это очень долгий путь к парламентаризму и к праву. И столько лет уже пытались делать, и поэтому не надо и сейчас от этого отказываться. У России долгая судьба, и мы находимся не на простом этапе, но не надо никаких вот... Как сказать? Отказов, и простого выбора — что либо жесткий тоталитаризм, либо революция и смена. Идет мучительный, долгий процесс выстраивания нормативности в сознании и общественной консолидации. Вот, мне кажется, что происходит.

Виктор Леонидович, вам, наверно? Или, Дмитрий, вы будете закрывать, наверно, да?

Тренин. Ну, вначале Виктор Леонидович, наверно, да? А я потом закрою.

Беляева. Да-да, пожалуйста.

Шейнис. У нас произошло очень интересное обсуждение. Я полагаю, что оно может быть материалом для той работы, о которой Нина говорила в начале. Конечно, надо — я по мере возможностей фиксировал, что успевал, и прежде всего техническое предложение — я не знаю, запись механическая велась, нет?

Беляева. По-моему, даже в нескольких источниках. Я вижу тут как минимум два микрофона, вот у нас микрофон есть, вот еще микрофон, и наверняка будут наши...

Шейнис. Это очень хорошо.

Беляева. Наши hosts. Коллеги нам, наверно, расшифруют стенограмму, и мы ее обработаем и сможем, наверно...

Шейнис. Вот я предлагаю обязательно ввести такой эффект, такой момент: когда будет сделана стенограмма, разослать авторам, выступавшим, их кусочки, и попросить на

основании того, что было сказано, представить более или менее связные тексты. Я думаю, что...

Беляева. Даже маленькие. Даже, может быть, два абзаца, да.

Шейнис. Даже маленькие. Это будет очень полезно, и я готов соучаствовать в этой работе...

Беляева. С удовольствием, с удовольствием!

Шейнис. ...и в доведении до ума этой стенограммы. Она, конечно, будет полезна.

Поэтому то, что я сейчас могу сказать, это какие-то первые отрывочные соображения, реакция на то, что здесь прозвучало.

Если говорить об истоках и о том, на что часто ссылаются, что вот традиция в России была такой печальной, ужасной, и никогда не было права, никогда не было демократии и т. д., — это звучит довольно часто, что такова историческая традиция, есть колея, есть колесо, которое попало в эту колею, и все время оно в этом вращается.

Нет. Я с этим не согласен. Не согласен в принципе. Я думаю, что Россия трудно, противоречиво — а какая страна не противоречиво? — развивалась в направлении, если хотите, гегелевской идеи. О том, что смысл истории — это расширение пространства свободы. Вот Россия, с ее разного рода и трудностями, и гадостями, и полициейшиной, и всякого рода вещами, о которых классики много написали, все-таки двигалась вперед более или менее четко, более или менее векторно. Ну, по крайней мере начиная с эпохи Великих реформ. Был, конечно, период контрреформы, но тем не менее русское общество менялось. И то, что мы утратили, то, что в нашей истории меня все более огорчает, это 1917 год.

Ведь в 1917 году был разрыв постепенности. Был скачок, который сделал XX век в России вот таким, каким он оказался. Можно по опубликованным материалам по дням, даже по часам посмотреть, как шла страна от Февраля к Октябрю. Какие здесь были развилки, какие здесь были возможности. Дан, например, в своих воспоминаниях рассказывает, как 24-го октября приезжает он с Гоцем к Керенскому и говорит: «Надо немедленно сделать то-то и то-то». То есть выход из войны, легализация самозахвата земель, целый ряд других вещей. Керенский этого не понимает. Это 24-е октября. Он не понимает, что надвигается, насколько события могут приобрести необратимый характер.

А дальше произошло то, что произошло. Пришли к власти люди, которые соответствующим образом обошлись с парламентаризмом, с правом, с демократией, со свободами, с врагами, с союзниками, которые помогли им прийти к власти. С русской интеллигенцией. Ведь мы знаем об этом, но редко задумываемся: слой креативной интеллигенции, тот самый, который делал русскую историю и формировал право. Это замечательная работа, которую Медушевский, например, осуществил, который показал, поднял пласты правовой мысли и показал, насколько продвинута была русская и правовая наука, и публицистика с точки зрения внедрения в общественное сознание правовой мысли. Насколько это все было порушено, люди были или уничтожены, или изгнаны за пределы страны. А затем так поступили не только с интеллигенцией, поступили и с крестьянством, которое было уничтожено как класс. Поступили со всем населением определенным образом, для которого то, что однажды Энгельс мимоходом назвал «второе

издание крепостничества в Германии» — это там было эпизодом, а для нас это растянулось почти на целый век для всей страны.

Вот здесь, я думаю, одна из точек, развилок, почему мы так трудно выходим из того, что у нас было. И в связи с этим наш парламент. Знаете, когда я был депутатом Съезда народных депутатов, я, в общем, достаточно критически относился к парламенту, который был создан, поверьте, на одних из самых свободных выборов, какие бывали в России. Я имею в виду выборы 1990 года.

Конечно, когда смотришь на нынешнюю Думу — не хочется говорить о ней, но наш парламент — это почти Вестминстер. Вот тот парламент. Но тем не менее, в этом парламенте, к сожалению, принять конституцию, толковую конституцию было невозможно парламентским конституционным путем. Я это говорю давно, и я в этом глубоко убежден.

Понимаете, вот здесь задавалось много вопросов, разные вопросы. Почему то, почему это, почему местное самоуправление, почему партий нет, почему там то, другое еще в конституцию не попало? Почему федерализм не описан? А вы знаете, насколько трудно шло прохождение? Скажем, конституционная комиссия выработала первый проект. И уже вопрос о публикации первого проекта вызвал ожесточеннейшие споры, ожесточеннейшие конфликты! Конституционная комиссия, сто человек — это невозможно работать, вести собственно аналитическую и правовую работу по созданию текста. Рабочая группа выработала проект конституции, собирается конституционная комиссия: «Нет, рано публиковать». В октябре 1990 года это было представлено — только в ноябре мы получили санкцию конституционной комиссии: «опубликовать в качестве рабочей основы». Сначала предложили за основу — «нет, давайте ограничим, рабочая основа». Ну ладно, опубликовали. Пошел поток разного рода...

Илья! Позвоните мне, пожалуйста! Я вас домогался, но не сумел на вас выйти.

Беляева. Илья Шаблинский — мой подарок этому семинару. Буквально вчера ночью я его выцепила.

Шейнис. Отлично.

Беляева. Илья, спасибо большое!

Шейнис. Значит, какие подходы к конституции и в конституционной комиссии, и на съезде. Каждый проект, а их было, по моему подсчету, двенадцать... Двенадцать проектов, вариантов, которые становились от одного к другому всё слабее, пока не появился совсем уж такой, склонный к авторитарному перерождению вариант Алексева, Шахрая и Собчака. Вот тот самый, с которым потом мы пытались скрестить проект конституционной комиссии.

Так вот, каждая группа выступала со своими требованиями, со своими притязаниями. Коммунисты говорили: «Как! Вы рушите советскую власть! Это то, с чем наш народ [не расстанется]!». Либералы говорили: «Вот вы написали в конституции — “социальное государство”. Это что, вы социализм хотите возродить?». Мы слабо возражаем, говорим: «Да вы откройте французскую конституцию, германскую конституцию. Там есть “социальное”». — «Бросьте нам говорить такие вещи, социальное

государство — это социализм». Кстати, и сегодня в Европе продолжают спорить на эту тему.

Дальше, националы: «Вот вы правильно записали в конституции, что российские законы имеют приоритет перед союзными. Будьте последовательны. Запишите положение, что законы, которые принимаются в республиках, имеют приоритет по отношению к российским законам».

Вот вам проблема федерализма. Как выстраивать федерализм? Почему появилось это достаточно бестолковое понятие... Профессор Полищук, большое спасибо вам!

Полищук. Виктор Леонидович, я очень прошу меня извинить, я сейчас уйду, прошу прощения.

Шейнис. Нет, я все понимаю, большое спасибо. Я хотел откликнуться на ваше замечание. Я думаю, что мы будем иметь возможность с вами еще поговорить. Спасибо!

Так вот, почему федерализм? Мы все время бились в тисках, каким образом удовлетворить одних, других, третьих и так далее. Я утверждаю, что собрать две трети голосов ни за какой проект было невозможно. И поэтому пришлось конституцию пробовать именно так, как она была пробита.

Вот жаль, я не успел сказать в присутствии профессора Полищука. У него очень интересные соображения, очень в определенном смысле важные для исследователя. Посмотрите на Восточную Европу. Она не такая уж была демократичная, да, конечно. Но все-таки в Восточной Европе, в той же отсталой Румынии и Болгарии, в той же Прибалтике с Ульманисом там, с Пятсом, с другими правителями межвоенного периода, все-таки была в наш век определенная школа общественности и перехода к праву. Несмотря... Даже Польша! Даже Польша. С ее колоссальной ролью католической церкви, которая была обособлена от государства, а не была служанкой государства, как почти на протяжении всей своей истории была Русская православная церковь. Это, по-моему, очень важно. Это принципиально важно, и кроме того, уже на данном этапе, то есть в 80-е, 90-е годы, было стремление уйти в Европу. Вот то, что объединяло и прибалтов, и поляков, и других — это сознание своей европейскости. А мы говорили о европейскости. И действительно, Россия — какая-то составная часть европейской культуры, но особая ветвь. И здесь это ставится под сомнение. Здесь это подвергается нападкам, в том числе достаточно влиятельных сил. Влиятельных не только в идеологии, но и в политике. А там это является объединяющим фактором.

И поэтому, скажем, то, что происходит в Украине, на мой взгляд, — болезненный, мучительный процесс, но в принципе стремление украинцев, или по крайней мере большинства украинского народа, стать европейской страной, стать органической частью европейских союзов — это прогрессивные и позитивные процессы.

Теперь еще о замечании, которое здесь прозвучало, что вот, дескать, авторитаризм был выбран как средний путь между тоталитаризмом и демократией. Может быть, это и так. То есть не в этих терминах, но принцип был именно такой. Укрепить центральную власть, которая противостоит и распаду России, а распад России был реальным, реальной перспективой, возможной перспективой, и разного рода достаточно реакционным силам.

Вспомните, часто говорят о выборах 1996 года. Я сейчас не буду обсуждать вопрос, насколько они честно были проведены и т. д. Но ведь сила, которая противостояла Ельцину и тем, кто выступали за Ельцина, была очень черная, мракобесная сила! И товарищ Зюганов не гнушался — и получал поддержку — размахивать знаменем с физиономией Сталина, нарисованной на этом знамени.

Вот противостоять этим силам — это действительно было чрезвычайно важной задачей. Так ли надо было противостоять? Ну, ответ на вопрос — не так. А как? Я не знаю ответа на этот вопрос. И я глубоко убежден, что невозможно... Это мысль Камю, по моему, в его нобелевской лекции — что все средства, которыми авторитаризм пытается решать проблемы общества, хуже самой болезни, которую он пытается излечить.

Очень часто повторяется мысль — «между Сциллой и Харибдой». Как будто бы можно проскользнуть между одним злом и другим злом. Но вспомните Одиссея! Ведь не сумел Одиссей проскочить между ними! Выбор между Сциллой и Харибдой — это не попытка извернуться каким-то промежуточным путем, а выбрать меньшее зло. И вот как минимизировать зло — это тоже одна из тех проблем, которая стояла перед нами.

Ну и последнее, самое сложное, самое неясное и самое главное, над чем мы должны работать и работать и как теоретики, как мыслители, и, возможно, участвуя в политике. Это общество.

Я глубоко согласен с теми мыслями, которые здесь прозвучали и у Гали Михалевой, и у Нины Беляевой, и у других. Придите на митинги, посмотрите! Здесь рождается нечто новое. Его давят, его пытаются ликвидировать, но тем не менее нечто все-таки не затапывается.

И хотя сегодняшняя картина политическая, если смотреть на нее в основном сверху, достаточно печальна и грустна, тем не менее я думаю, что здесь есть те возможности, которые мы еще плохо знаем и мало изучаем. И поэтому выводом, наверно, из той работы, которую Нина здесь заявила, является не только академическое проникновение в предмет, но и своего рода ориентация тех сил, которые перемен хотят. Спасибо.

Тренин. Спасибо вам, Виктор Леонидович! Если позволите, пару слов, как впечатления от сегодняшнего разговора. Я вообще стараюсь не выходить далеко за пределы внешнеполитических тем, которыми занимаюсь, но сегодняшняя встреча настолько интересна, что я позволю немножко ваше время занять, еще пару минут.

Мне кажется, что очень глубокая мысль, с которой, собственно, начал Виктор Леонидович, заключается в том, что рассматривать конституционализм и вообще историю политических институтов России без отрыва от политики не имеет смысла. Я бы продолжил (я думаю, что Виктор Леонидович согласится с этим), что нельзя рассматривать ее в отрыве и от состояния развития общества.

И в этой связи конституция 1993 года, как мне представляется, как неспециалисту, безусловно, — на мой взгляд, это документ, который написан был для страны, которой не было, которую предстояло создать и которую еще предстоит создать.

Я думаю, что то, что происходит, происходит в очень тесной связи с тем, как развивается российское общество. Не его — я прошу прощения за, может быть,

неуместную цитату, — не его «боевой авангард», а общество в целом. И вот то, о чем здесь говорили, развитие вот — ну, если это... Можно называть это атомизацией, можно называть это развитием индивидуализма, можно как-то по-другому называть. Но процессы, которые происходят в обществе, очень интересны, и они, в общем, не укладываются, по крайней мере, в те схемы, которые в свое время были в меня, в мою голову заложены. Поэтому я призываю не отчаиваться, а наоборот, смотреть гораздо шире и глубже в развитие общественных процессов в стране, и через призму общественных процессов смотреть на конституцию.

Я думаю, что если бы у нас победила другая версия конституции, была бы парламентская республика, — парламентская республика была бы столь же авторитарной, как сегодня президентская республика. Просто бы первым лицом был бы премьер-министр, и он совершенно был бы... То есть он постоянно бы, так сказать, переизбирался на этот пост, и у него было бы три четверти, или сколько он захотел бы, мест в парламенте. Как произошло с федерализмом.

То есть проблема, наверно, не в документах. И собственно говоря, может быть, и проблемы нет. Может быть, проблема существует тогда, когда мы полагаем, что наши передовые мысли должны соответствовать или подтверждаться общественной практикой. Это не всегда бывает. Наши мысли иногда, и правильно, они идут вперед, и вообще наша традиция, как я понимаю, конституционная, и вообще политическая традиция немножко такая вот лидерская. Мы навязываем обществу какие-то вещи. По-разному. Коммунисты навязывали одно — тоже коммунисты строили схемы для общества, которого быть не могло. А в демократическом варианте схема, которая заложена, — это та схема, которая работает в целом ряде передовых, развивающихся обществ. Это вполне реальная схема, и поэтому различие между коммунистическими и, скажем, демократическими документами разительное. Но тем не менее и в том, и в другом случае есть элемент навязывания обществу некой схемы, для которой общество либо не созрело, либо она этому обществу чужда.

Я думаю, что в нашей стране сегодня реализована формула «авторитаризм с согласия большинства подданных». Это может быть плохо, это может быть печально, но мне кажется, это реально, и коль это реально, это заслуживает того, чтобы задуматься над этим.

И при этом нынешняя система, как бы ее ни критиковать, она все-таки, по сравнению с системой советской, она органична. Советская система не была органичной. Советская система была основана на целом ряде допущений, и я уж не говорю про насилие, которое лежало в центре этой системы, но оно не было органичным. Нынешняя все-таки — она при всех мерзостях и преступлениях, и при всей лжи и т. д., что угодно можете называть, но она, в общем-то, достаточно органична.

И общество, на самом деле, — мы ведь тоже не должны его особенно идеализировать. Любой водитель автомобиля знает, насколько... как люди себя действительно ведут на дороге. Они так же ведут и в обществе, они так же ведут в жизни. Это обычные, рядовые российские граждане, которые создают ситуации, опасные для других, которые норовят нарушать постоянно правила, которые постоянно подкупают представителей власти и на них же жалуются, — это вот реальное общество. Причем это в значительной степени средний класс общества. Владелец, в общем-то, часто неплохих автомобилей.

Но я не буду долго задерживать ваше внимание. Я думаю, что вопросы, которые поставил Виктор Леонидович, исключительно важные. И я думаю, что системный кризис, о котором идет речь, действительно может продолжаться, как Нина говорила, неопределенно долгое время, в зависимости от того, насколько велики будут ресурсы системы. Но не нужно исключать и внешние шоки, внешние толчки. Для царской системы таким толчком стала Первая мировая война. А мы живем в гораздо более взаимосвязанном, взаимозависимом мире, и здесь внешние факторы должны так же учитываться, как и внутренние. Поэтому критическая точка может быть каким-то внешним толчком, может быть неожиданным толчком.

Я думаю, что эволюционный путь не только не закрыт, а, собственно говоря, он единственно реальный путь вперед, потому что революционный путь... Скорее всего, если эта система рухнет, нас ждет очередное падение, во всех отношениях, поскольку мы, в отличие от ГДР, не имеем там, я не знаю, «Западной России» в виде Соединенных Штатов Америки, которая просто возьмет и поглотит нас, и с большой радостью и для себя, и для нас, как еще какое-то количество штатов. Этого нет, и поэтому... Революция, я думаю, она вполне возможна, но она приведет к очень серьезным негативным, на мой взгляд, результатам.

Потенци правящего режима? Я думаю, что Путин, конечно, не станет Горбачевым. И не допустит Горбачева в своем окружении. Никогда. Абсолютно! Что произойдет за пределами правления президента Путина — сказать сейчас невозможно.

И последний вопрос — вот, на мой взгляд, общество как раз и является главным, может быть, самым интересным субъектом в России сегодня. Не политика, которой, в общем, практически нет, публичная, не публичная. То есть вот то, что конкурентной политики нет, да? Политика, которая осуществляется правительством, — ну, это правительственная политика, это предмет для отдельного разговора. Но самое интересное — это то, что происходит в обществе.

И я думаю, что мы не должны также абстрагироваться от развития современных технологий и от того, насколько эти технологии меняют жизнь. Одно дело... Вот, на мой взгляд, самое интересное должно, по идее... вот если бы я для себя индикаторы определял бы, то я бы их очень низко расположил бы. Я бы их расположил бы на уровне муниципалитетов и даже на уровне, скажем, домов, в которых живут люди. То есть способны ли люди в рамках своего дома, своего двора совместно реализовывать какие-то проекты, которые необходимо реализовывать, да. У вас целый ряд вещей, с которыми вы постоянно живете и т. д., — вот здесь если люди сходятся вместе... А на примере, скажем, моего дома я вижу, как за последние несколько лет люди стали... Им трудно собираться. Раньше были собрания эти вот дурацкие, и очень трудно собираться. А сейчас электронная почта, и есть сайт, и это всё — на мой взгляд, это вот то направление, которое, по крайней мере, создает некоторую надежду на развитие.

Но самое главное, наверно, и этим я закончу, что в России — везде нужно жить долго, но в России нужно жить особенно долго. Но при этом не терять чувства оптимизма. Оно позволяет жить подольше. Поэтому я желаю вам не терять этого чувства, всем нам здоровья, и огромное, огромное, огромное спасибо Виктору Леонидовичу Шейнису за его прекрасный новый труд, который, я уверен, будет еще одним классическим произведением современной российской политической литературы, которое долго еще будет, как и его предыдущая книга, восемь лет тому назад здесь представленная, не стоять на полках, а будет постоянно в работе. Спасибо большое!